

Политическая экономия: место в системе экономических наук

19 апреля 2010 г. в Москве в рамках Международного форума «По ту сторону кризиса: модернизационный потенциал образования, науки и культуры» прошла Международная конференция на тему: *«Политическая экономия: реактуализация классики и новая теория социально-экономического развития»*. Организаторами конференции были: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Фонд «Альтернативы», Фонд Ф. Эберта, Вольное экономическое общество. Хотелось бы специально отметить, что представители последнего – руководитель секции «Политическая экономия» д. э. н., проф., первый заместитель директора по научной работе Института экономики РАН, член-корреспондент РАН, академик Международной Академии менеджмента Д.Е. Сорокин и ученый секретарь, заместитель руководителя секции «Политическая экономия», д. э. н., проф., академик Международной академии науки и практики организация производства, академик Академии менеджмента в образовании и культуре В.В. Каширин при подготовке конференции акцентировали внимание на важности развития политической экономии как научной и учебной дисциплины, создающей важные предпосылки для теоретического обоснования адекватной конкретным общественным системам и их специфике экономической политики, учитывающей кроме того, глобальный и специфически исторический контекст, позволяющей сопрягать собственно экономические, социальные, политические, цивилизационно-культурные параметры в рамках экономических исследований и в процессе преподавания экономических дисциплин.

В центре внимания участников конференции находился вопрос о месте политической экономии в системе экономических наук.

ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И НЕОБХОДИМОСТЬ ЕЁ РАЗВИТИЯ

Конференцию открыл со-председатель организационного комитета **А.В. Бугалин (д. э. н., проф., директор Института социэкономии МФЮА, заслуженный проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)**. В начале своего выступления он остановился на предыстории нашей встречи и том, почему она возникла. Засилье экономической теории, которая получила обобщенное название «экономикс», породило 2 волны сопротивления:

1. Пассивную – когда под видом экономической теории вопреки стандарту некая толика преподавателей, особенно в российских регионах, Украине (мы только что были в Харькове, Киеве), Казахстане читают не только микро- и макроэкономiku, включая в курс компоненты классической политической экономии.

2. Открытую – когда ученые предлагают альтернативные курсы, и до недавнего времени это было уделом факультативов и «полупартизанских» акций.

В последнее время ситуация стала изменяться. Экономический кризис, помимо недостатков, имеет и некоторые «плюсы», хотя мы бы предпочли, чтобы «плюсы» были без кризиса. В результате кризиса возникла новая волна интереса к политической экономии. Хорошо известно, что в США и в Западной Европе «Капитал» Маркса стал одной из самых читаемых книг по экономике. В Берлине весной 2008 г. в Политехническом университете проходила конференция, посвященная глобальному экономическому кризису. На пленарном заседании, собравшем 1500 человек, участники с большим интересом, с многократными

аплодисментами встречали марксистские выступления. Берлин был заклеен афишами – «Капитал» К. Маркса, трактат «Капитал» на религиозные темы и детектив «Капитал». Ситуация меняется в лучшую сторону и в России, так на Экономическом факультете МГУ уже 2-й год подряд читается курс «Политическая экономия», на который в этом учебном году записались 150 студентов из 300 учащихся на 3-м курсе. Читается курс «Теория общественного богатства», в котором очень многое взято из «Капитала» К. Маркса и классической политической экономии, причем всё это рассматривается как фундамент микро- и макроэкономики. Этот курс собирает не меньшее количество студентов. В Институте Экономики РАН член-корр. В.А. Медведев уже 3-й год ведёт семинар, посвященный марксизму.

Всё это позволяет поднять целый ряд вопросов, которые в рамках курсов микро- и макроэкономики с добавлением неоинституционализма рассмотреть и представить невозможно. Здесь мы специально оставляем в стороне классический институционализм, историческую школу и другие направления экономической мысли, близкие к классической политической экономии. Какие это вопросы?

Первый блок. Исследование экономики как совокупности конкретных, исторически ограниченных экономических систем. Если посмотреть на подавляющее большинство учебников микроэкономики, то мы в них не увидим грани между экономикой «вообще» и рыночной экономикой. Во введении иногда выделяются разные типы экономик, а затем даются характеристики рыночной экономики. И даже нет вопроса о начале и конце тех или иных типов экономик – рыночной, натурально-хозяйственной, плановой. Или же отношения личной зависимости и каких-то других отношений труда-капитала, помимо отношений найма.

Второй блок. Политическая экономия основана на диалоге экономики с другими общественными сферами, но не на основе «экономического империализма», когда принципы рационального поведения, максимизации полезности и оптимизации выбора из сферы рыночной экономики переносятся в сферу политики, духовной жизни и даже в отношения любящих супругов (теория «человеческого капитала» Г. Беккера). Политическая экономия предполагает несколько иное: использование общефилософских, общесоциальных, общегуманитарных методов для исследования экономики в диалоге с социальной, политической, духовной сферами. Это другой подход. Это подход целостных общественных наук, который позволяет работать на стыке разных дисциплин, не подавляя специфику любой другой сферы.

Третий блок. Политическая экономия жестко выходит на проблему экономических субъектов и социальной структуры, ее экономических детерминант. Этот выход позволяет показать, что есть экономически обусловленные социальные слои, классы, производные от классов страты. Это вывод не только К. Маркса. Этот вывод был сделан до Маркса и развивается во многих политэкономических работах после Маркса и вне Маркса. Этот вывод позволяет поставить вопрос об экономических интересах, о противоречиях этих интересов и об анализе экономических процессов с точки зрения того, чьи интересы скрываются за теми или иными решениями.

Четвёртый блок. Политическая экономия включает в себя анализ взаимодействия экономики и технологических основ, общества и природы, экономики и социально-политических процессов. Очень редко в учебниках микро- макроэкономики можно найти описание экономической системы, зависящее от лежащих в ее основе технологических параметров и тех или иных социально-политических отношений. Между тем, если общество базируется на ручном труде, то поведение человека, мотивация, ценности, социально-экономические отношения будут одни, если индустриальная система – совершенно другие, если креативная деятельность в постиндустриальном обществе – третьи. Проблема обратного влияния – какой тип технологий создает та или иная экономика - практически вообще не рассматривается. Между тем, если мы посмотрим на современную экономику, то увидим очень специфический тип технологий: за последние 50 лет человечество очень мало

продвинулось в технологиях материального производства и в сфере формирования человеческих качеств. В медицине есть продвижения, но не революционные. Мы летаем на самолетах с той же скоростью (900 км/ч), что и 50 лет назад, на машинах стали ездить не быстрее, а даже медленнее – сейчас средняя скорость движения по Москве – 10-15 км/ч. Мы создали компьютеры и Интернет, но мы непроизводительно используем 98% их ресурсов.

Все вышеназванные блоки дают основание показать политическую экономию как ту науку, которая: (1) дает возможность стратегического анализа важнейших социально-экономических и экономико-политических процессов, происходящих сегодня; (2) науку, полезную для всех – от социальных движений, профсоюзов и др. организаций, которых прежде всего интересует социальная составляющая экономики, до бизнеса, который хочет знать, как лучше всего мотивировать конвейерного рабочего, а как – креативного директора; (3) науку, важную для студентов, которые хотят не просто уметь рисовать кривые по чужим данным, где реальная экономика – частный случай, а хотят прежде всего получить представление о реальных экономических процессах, тенденциях; (4) дает понимание политическим деятелям, которые хотят (пусть даже и из эгоистических интересов) проводить грамотную экономическую политику.

А.И. Колганов (д. э. н., зав. лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) подчеркнул, что он хотел бы поддержать тезис о том, что для восстановления позиций классической политической экономии в экономической науке, нам необходимо употреблять полученную нами политико-экономическую культуру знания (Р.М. Нуреев) для того, чтобы находить ей применение во множестве смежных областей. И тем самым доказывать на практике её значимость. Это совершенно необходимо.

А.И. Колганов также поддержал мнение А.В. Сорокина, который говорил о необходимости синтеза и попыток инкорпорировать имеющиеся экономические доктрины, которые мы считаем предназначенными для изучения поверхностного слоя экономической жизни, в доктрину более фундаментальную, с тем, чтобы одно объясняло другое.

А.И. Колганов точно так же поддержал Г.Н. Цаголова в том, что нам пора прятаться за спиной Маркса и встать на его плечи. А то и выйти вперед. Даже если кто-то попытается заслонить его собой и будет в этом успешным, то А.И. Колганов его поддержал. Но не раньше.

Это всё абсолютно правильные вещи, которые, безусловно, надо делать. Но здесь существует одна очень серьезная проблема, которая всему этому мешает. А проблема эта заключается в том, что мы с вами являемся носителями вот этой политико-экономической культуры. А она у нас воспроизводится в научном сообществе? Она у нас не воспроизводится. А если воспроизводится, то в суженном масштабе. Потому что мы не в состоянии при той структуре преподавания экономической теории, которая сейчас сложилась, передать студентам свою культуру системного диалектического изучения категорий, отражающих производственные отношения. У нас нет на это времени и возможностей в рамках тех учебных планов, которые существуют. Мы можем сколько угодно продемонстрировать студентам преимущества политической экономии в понимании конкретных явлений через различного рода ответвления экономической теории, но вот эту культуру, которую мы впитали с изучением «Капитала», мы им передать не в состоянии.

И вот о восстановлении этой культуры, безусловно, следует подумать очень и очень серьезно. Потому что без этого всё то, что мы делаем, с течением времени уйдет в песок, и не будет воспроизводиться. Вот в чём заключается ключевая проблема.

Можно ли как-то продвинуться в решении этой проблемы в рамках существующих возможностей? Я вижу здесь два пути, две ступеньки, которые надо одолеть, чтобы двинуться дальше. Во-первых, надо не дать нашему опыту уйти, пропасть бесследно. Для этого было бы крайне полезно изложить накопленный нами опыт и политико-экономическую культуру в серии публикаций, что бы хотя бы таким образом сделать эту культуру доступной. Понятно, что это отнюдь не решает проблему преемственности,

воспроизводства политико-экономической культуры. Но, во всяком случае, это шаг в нужном направлении. Студенты должны иметь возможность опереться на источники, демонстрирующие им не только классическое наследие, но и подходы к его изучению, и современную интерпретацию классического наследия.

Нам необходимы работы по предмету и методу политической экономии, по диалектике «Капитала», равно как и работы, показывающие приложимость политико-экономического категориального аппарата к исследованию современных проблем. Не помешает нам и расчет с нашим собственным политико-экономическим прошлым, честный анализ наших достижений, промахов и заблуждений.

Во-вторых, следует вести работу по постепенному восстановлению престижа политико-экономического знания. Современный экономический кризис дает нам хороший повод для такой работы, и им надо в полной мере воспользоваться. Стандартные неоклассические подходы оказались несостоятельными перед лицом экономического кризиса, а политическая экономия имеет в своем арсенале теоретический аппарат для анализа причин циклических кризисов. Есть, разумеется, и другие аргументы, связанные в первую очередь с тем, что политико-экономический взгляд на хозяйственную реальность затрагивает такие ее пласты, которые вовсе не исследуются неоклассической теорией.

И здесь, кстати сказать, призыв выйти из-за спины Карла Маркса должен сыграть очень большую роль. Потому что на простом повторении культуры «Капитала», конечно, мы далеко не уедем. Безусловно, необходимо культурой «Капитала» овладеть. Это шаг, который является абсолютным императивом для того, чтобы воспитать грамотного политэконома. Но одного этого сейчас, разумеется, недостаточно.

Здесь говорили о тех вызовах, которые современная действительность бросает теории стоимости, теории прибавочной стоимости. Сам Маркс предсказывал разложение стоимостных отношений с развитием капитализма. Что мы сейчас и наблюдаем. А у нас есть теоретическое описание этого разложения стоимостных отношений в современном капитализме? Какие-то соображения на эту тему есть, но единичные. Далее. Проведено ли это наше понимание вот только-только начинающего формироваться разложения стоимостных отношений в современном капитализме через всю категориальную систему производственных отношений капитализма? Например, как влияет разложение стоимостных отношений на отношения капиталиста и наемного рабочего? А что, сам капитал, как производственное отношение, застыл в неизменности? Все это уже давно надо было исследовать, но этого не сделано совершенно, за малыми исключениями. Надо двигаться вперед.

Откликнулась ли наша отечественная политическая экономия на такие тенденции современного капитализма, как глобализация и сдвиги в постиндустриальном направлении? Да, но с запозданием. Мы фактически плетемся в хвосте тех разработок, которые были сделаны за рубежом, как западной леворадикальной политической экономией, так и представителями развивающихся стран. Может быть, и нами сказано кое-что заслуживающее внимания, но это уже выглядит как комментарии к работе, проделанной до нас.

Только двигаясь вперед, мы сможем с полным основанием пробивать те стены, которые сейчас воздвигнуты на пути преподавания политико-экономического знания, и должны доказывать не только свои способности, не только свою практическую полезность, но и свою мощь как исследователей.

Размышления о важности возрождения и продвижения политической экономии, об актуальных задачах политэкономов продолжил **М.И. Воейков (д. э. н., проф., зав. сектором Института экономики РАН)**. Он, в частности, сказал, что отмена и почти запрещение политической экономии как научной и учебной дисциплины внесло некоторую растерянность и даже разброд в рыхлые ряды постсоветских политэкономов и экономтеоретиков, которые в большинстве своем - те же самые политэкономы. Многие с кислым выражением принялись осваивать западный экономикс, некоторые исподтишка

втискивают в него старые, проверенные жизнью и опытом политэкономические категории, некоторые отчаянно сопротивляются. У большинства стоит в душе стон: верните нам политическую экономию!

Почему стон? Конечно, этому есть много причин. Назову, может быть, главную. Политическая экономия в российской интеллектуальной традиции (со второй половины позапрошлого века) была не только набором рекомендаций и указаний - что и как надо делать в народном хозяйстве, но, прежде всего, помогала пониманию этого хозяйства и путей развития общества. Со всей очевидностью это проявилось в дискуссии между народниками и марксистами. С тех пор политическая экономия в российской традиции несет мировоззренческую или философскую нагрузку.

Конечно, это не только русская традиция. И «на Западе» политэкономия выполняла эту функцию. Как писал в свое время Ж-Б. Сэй, каждый гражданин обязан изучать политическую экономию, если хочет быть активным участником гражданского общества. Т.е. гражданское общество и политическая экономия генетически связаны. Но сегодня «на Западе» мировоззренческая функция политической экономии отошла к другим социальным наукам и прежде всего к социологии. Возьмем книги известных западных социологов: Д. Белла, И. Валлерстайна, Р. Дарендорфа, Л. Туроу и др. – это с нашей точки зрения типичные политэкономические труды. С другой стороны, возьмем книги наших политэкономов: Л. Абалкина, А. Бугалина (частично А. Колганова), В. Медведева, Д. Сорокина и даже В. Иноземцева, с западной точки зрения – это типичные социологические работы.

Таким образом, хотя социология у нас интенсивно развивается больше 50 лет, но до мировоззренческих обобщений она пока не поднялась. Эту функцию продолжает выполнять политическая экономия. Это наша российская интеллектуальная традиция, в которой политическая экономия составляет основу, цементирующий каркас всей системы социальных наук. Речь не идет о собственно экономической науке, где почти всем очевидно, что политическая экономия составляет ее фундамент. И естественно, что отмена политической экономии разваливает не только экономическую науку, которая превращается в разрозненный набор различных теорий, методов, кривых и формул, но и делает бессистемной всю социальную науку. Вместо «дерева» экономической науки получается «сад камней» (по выражению О. Ананьина).

Конец классической политической экономии «на Западе», конечно, не есть происки «классовых врагов», а есть объективный процесс изменения западного мира и рыночной экономики прежде всего. Политическая экономия, как известно, изучает отношения людей, прикрытые вещной формой. И дело в том, что эта форма в современном западном обществе истончается и трансформируется, соответственным образом трансформируются функции политической экономии. Сглаживаются и межклассовые отношения. Так, расширение среднего класса не только гасит классовые антагонизмы, но и снимает социальную проблему классового общества, разрабатываемую в марксистской парадигме. А еще в начале XX века С. Булгаков замечал, что социальный вопрос составляет главную проблему политической экономии. Сегодня его содержание существенно меняется. Меняется, но еще не изменилось. Трансформируются фундаментальные основы и рыночной экономики. Возрастают роли государства в распределительных процессах (почти половина ВВП распределяется не через рынок), борьба с бедностью и неравенством, огосударствление финансовой сферы принципиально меняют основы рыночной экономики. Так, например, появление и распространение фидуциарных денег выбивает объективную основу из под рыночной экономики. Конечно, от всего этого проблем становится не меньше, но они уже изучаются в большей мере другими социальными науками. К примеру, фидуциарные деньги – это предмет политической экономии или политологии? То же и в отношении социальных классов, которые по выражению Ж. Дерриды, оказались разрушенными капиталистической современностью.

Однако, утверждая, что проблемное поле классической политической экономии истончается, тем не менее, надо признать, что оно еще есть и требует политэкономического

осмысления. Это относится как к старым проблемам, так и к новым. Например, как понимать и трактовать те же самые фидуциарные деньги, процент за кредит, ренту, распределение и т. п. Например, проблема материального производства. Известно, что в сфере материального производства занято все меньше и меньше людей. Как-то Р. Дарендорф представил расчет, по которому выходило, что в типичной стране ОЭСР на работу в материальном производстве тратится лишь 1% всего годового объема времени всего населения страны. Куда исчезает материальное производство? Политическая экономия занимается материальным производством (его вещной формой), но исчезновение последнего должна объяснять политическая экономия. Сохраняется ли индустриальное ядро (В. Маевский) в современной экономике? Если нет, то, как вообще можно представить себе экономику? Может ли быть «общество знаний» без промышленности?

Возможно, ответ на эти вопросы лежит в проблеме сужения докапиталистической периферии. Капитализация мировой деревни (и третьего мира в целом) раздвигают поле политэкономического исследования на периферию капиталистической миро-системы. На место этнографии приходит политическая экономия, которая призвана решить (или объяснить) проблему накопления и перемещения капитала от центра к периферии и возможности реализации прибавочной стоимости (Р. Люксембург).

Но в политической экономии появляются новые процессы, часть из которых даже получила название «новая политическая экономия». Суть этих процессов сводится к распространению политэкономического (или даже экономического) метода исследования на области, которые ранее не являлись предметом политэкономии. По мнению Дж. Бьюкенена в новую политическую экономию включается: 1) теория общественного выбора; 2) экономическая теория прав собственности; 3) экономический анализ права; 4) политическая экономия государственного регулирования; 5) неинституциональная экономическая теория; б) новая экономическая история. Приведем некоторые названия работ в этой области: политическая экономия пространства, политическая экономия выбора (общественного выбора), политическая экономия терроризма, политическая экономия голода, политическая экономия демократии и т. п. Таких работ множество, не все они удачны, но характерная их особенность состоит в том, что авторы стремятся с помощью политэкономического метода исследовать ранее не свойственные ей проблемы.

Еще в начале XX века Туган-Барановский предусматривал, что в пострыночном обществе политическая экономия частью превратится в теорию экономической политики. Любопытно, что в СССР с конца 1920-х годов стала развиваться концепция политической экономии «в широком смысле» как бы пригодная для пострыночного общества. Можно также заметить, что данная концепция онтологически весьма близка к «новой политической экономии».

Пожалуй, самое важное. Сегодня появилось новое поле исследований политической экономии на границе рынка и нерынка. Тут можно выделить две линии. Первая, то, что есть процессы, отношения и блага, которые по природе своей не имеют рыночного характера, но в силу всеобщности денежной экономики, получают денежный эквивалент и предстают как результат овеществления. Т. е. нерыночное благо начинает функционировать как рыночный товар. Другими словами, потребительная стоимость не через меновую, а непосредственно становится предметом политической экономии (Ж. Бодрийяр) или богатством становятся самопредставляемые вещи (М. Фуко). Другая линия обратная. Многие рыночные продукты (товары) в силу социальных ограничений и других причин перестают быть товарами (В. Ленин) и выпадают из нормального рыночного функционирования. Например, общественные блага («опекаемые блага» А. Рубинштейн), для которых создается «квазирынок». Все это предмет политической экономии, но иной, нежели классической, которую лучше назвать постклассической.

В заключение меня могут спросить: при чем тут марксизм? На что можно ответить, что марксизм служит как бы переходом от классической политэкономии к постклассической. Марксизм венчает, завершает одну и дает толчок, начинает другую. Марксизм объявил и

объяснил конец политической экономии как науки о неорганизованном социальном хозяйстве (Н. Бухарин). Постмарксизм (Д. Лукач, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, М. Фуко и др.) объясняет появление постклассической политической экономии.

И еще. Возвращаясь к российской политэкономической традиции, надо иметь в виду, что, в общем и целом, она была возвращена в лоне марксизма. Как отмечал еще Н. Бердяев, марксизм был процессом европеизации русской интеллигенции. Российскому интеллигенту в начале XX века чтобы выглядеть современно и умно надлежало быть марксистом. Конечно, с тех пор много утекло воды. Был Сталин, который вырезал многих марксистских интеллигентов (И. Рубин и др.), теперь американская мысль, которая часто путает марксизм и сталинизм (Ф. Хайек). Но есть Россия, есть российская интеллигенция, пронизанная марксизмом – дело осталось за политической экономией.

Но речь должна идти не о воссоздании марксистской политической экономии. Такой нет и быть не может. Маркс был критиком классической политической экономии, он создал ее завершение, вершину. Выражение «пролетарская политическая экономия» бессмысленно, ибо цель пролетариата состоит в упразднении классов и, стало быть, самого себя (Д. Лукач). Вот этот процесс уничтожения («снятия») классов и вещного мира и призвана объяснять постклассическая политическая экономия, которая корнями уходит в марксизм.

Р.М. Нуреев (д. э. н., проф., заведующий кафедрой экономического анализа организаций и рынков Государственного университета – Высшей школы экономики) отметил, что в странах Запада "Капитал" не произвел того впечатления, на которое рассчитывал автор, посвятивший этому труду более 20 лет. Новые принципы систематизации категорий стали интересны лишь последующим поколениям методологов второй половины XX века. Здесь оказалось интересным все: и формальная логика как предпосылка и момент диалектики, и метод восхождения от абстрактного к конкретному в "Капитале", и роль антиномий в процессе познания, а также их отражение в экономической системе, и "Капитал" как открытая система познания.

Историков мысли "Капитал" всегда привлекал как критика политической экономии, как образец бережного отношения к истории экономической мысли, скрупулезного использования источников, как попытка написания истории политической экономии по образцу и подобию "Истории философии" Гегеля (то есть как история рыночной экономики, "взятая в необходимости", как история, воспроизводящаяся в развитом предмете).

Социологов привлекли идеи Маркса об основных формах экономических отношений и ступенях развития личности: диалектика взаимодействия природы и общества, единство собственности и труда, а также взаимосвязь индивида и общности, в которой Маркс выделял следующие ступени развития: личная зависимость, личная независимость, основанная на вещной зависимости, свободная индивидуальность - всестороннее развитие каждого как условие развития всех, концепция всестороннего развития личности ("по ту сторону материального производства") как предпосылка и элемент современного постиндустриального общества.

Для специалистов по экономической истории и компаративистике представляет несомненный интерес метод единства исторического и логического, взаимосвязь технико-экономического и социально-экономического анализа, диалектика производительных сил и производственных отношений, единство формационного и цивилизационного подходов, история как естественно-исторический процесс и как результат деятельности людей, следовательно, больше политическая экономия в широком, чем в узком смысле слова.

Для институционалистов несомненный интерес представляет новый подход к анализу экономики и права, впервые реализованный в полном объеме в "Капитале". К. Маркс фактически выступает как предшественник институционализма. Он реализует новый подход к анализу экономической природы частной собственности, отличный и от подхода классиков политической экономии, и от леворадикальных критиков этой собственности типа П.-Ж. Прудона. Конечно, марксистская и неинституциональная теории прав собственности существенно отличаются друг от друга. Однако до сих пор представляет интерес

проделанный Марксом анализ отчуждения и фетишизма в условиях рыночной экономики, овеществления лиц и персонификации вещей.

Несомненен и вклад Маркса в становление теории межотраслевого баланса. Конечно, Маркс выступает здесь как ученик Ф. Кенэ. Любопытно, что его абстрактная и конкретная теория воспроизводства оказались более универсальными, чем схемы Ленина, которые не выдержали испытания временем, предопределив гипертрофированное развитие первого подразделения в ущерб второму. Непонятая с позиции неоклассической теории равновесия марксистская теория экономических кризисов получила своеобразное развитие в теории Шумпетера (1939 г.).

Проявляет ли интерес к К. Марксу академическая наука развивающихся стран? Скорее да, чем нет. В условиях кризиса неоклассики на периферии капиталистического мира постулаты рационального поведения, на которых основаны современные микро- и макроэкономика, практически не работают. Здесь очевиднее плюсы и минусы развития капитализма и отражающей это развитие неоклассики. Здесь очевиднее проблемы бедности и богатства, статический характер современной западной науки. Отсюда нагляднее видны изъяны современного экономико-математического моделирования, опирающегося на теорию рационального выбора.

Маркс интересен везде, где осуществляются поиски альтернативы неоклассике. Неудивительно влияние марксизма на молодую историческую школу (В. Зомбарт) и австрийскую экономику (О. Бем-Баверк), на традиционный (Т. Веблен, К. Поланьи, Г. Мюрдаль) и новый институционализм (право и экономика), новую экономическую историю (Д. Норт, Н. Розенберг) и эволюционную экономику (Й. Шумпетер), посткейнсианство (Дж. Робинсон, П. Сраффа) и леворадикальную экономику (П. Баран, А. Эммануэль, И. Валлерстайн).

Ю.М. Осипов (д. э. н., проф., зав. лабораторией философии хозяйства экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Президент Академии философии хозяйства, директор Центра общественных наук МГУ имени М.В. Ломоносова), рассматривая вопрос о том, какие объективные проблемы социально-экономического развития мира и России может решать политическая экономия и не решают микро- и макроэкономика, ответил, что это все социально-экономические вопросы, восходящие к способам производства и присвоения ресурсов, средств производства, продукции, образа жизни. Иное дело: как? Здесь потребно не воспроизведение прошлых решений, а обретение новых. Классика должна стать неоклассикой (не путать с самозванным неоклассическим синтезом). Соответственно выделяются основные разделы политической экономии как науки и учебного курса (в т. ч. проблемы использования критики классической политической экономии): собственность, присвоение, способ производства (в новых интерпретациях). Поэтому на вопрос «надо ли, и если "да", то как, где (не на экономических факультетах) преподавать политическую экономию?» есть только один ответ: «надо!» И в бакалавриате (первичное освоение), и в магистратуре (дискуссионное освоение).

Особенно актуален вопрос: «В каком направлении должна развиваться экономическая теория?» Ю.М.Осипов по данному вопросу занимает хорошо обоснованную и отточенную многолетними традициями Академии Философии хозяйства позицию: «в направлении философии хозяйства, но можно и социальной экономики».

У.Ж. Алиев (д. э. н., проф., вице-президент образовательной корпорации «Туран», Алма-Аты (Казахстан) отметил, что любая наука свое содержание выражает через систему социальных функций, выполняемых ею. Это утверждение справедливо и по отношению к такой базовой экономической дисциплине, как теоретическая экономика.

Под функцией теоретической экономики понимается не только один из ключевых элементов ее дисциплинарной структуры, но и служебная роль, назначение и «поведение» ее как науки. Другими словами, функция есть реализация на деле предмета теоретической экономики, т. е. способ существования и обнаружения ее предмета.

Надо сказать, что проблема системы функций теоретической экономики (а в ее рамках

— политической экономики и экономикса, а также ныне преподаваемой экономической теории) до сих пор не стала полноценным объектом (и предметом) специальных исследований в виде диссертационных или монографических работ. Этому способствовало распространенное негласное мнение о функциях теоретической экономики как о чем-то малозначащем, не заслуживающем особого внимания. Применительно к различным ее направлениям они рассматривались вскользь в связи с другими проблемами данной науки, причем основной акцент был сделан на практическую ее функцию.

Вопрос о функциях этой науки долгое время даже выпадал из учебной программы и учебников. Тем самым не учитывался тот факт, что система теоретико-экономического знания, как и предмет-оригинал, ею отражаемый, обретают смысл и жизненность только благодаря их функционированию. В результате мы имели низкую отдачу и эффективность от теоретической экономики в виде политической экономии (как научной, так и учебной дисциплины), что явилось еще в середине 1980-х гг. предметом заслуженной критики со стороны отдельных исследователей и практиков. Но, как говорится, по существу, «воз и ныне там».

Проблема функций теоретической экономики актуализируется в связи с общей тенденцией повышения социальной роли науки вообще и экономической науки в частности в условиях глобализации макрохозяйственных отношений, а также современного глобального финансово-экономического кризиса и явно недостаточной реализации потенциальных возможностей теоретической экономики в исследовательско-познавательной, хозяйственной и учебно-образовательной практике. В этой связи прежде всего вопрос о функциях теоретической экономики должен занять подобающее место как в собственно научно-исследовательском, так и в учебно-образовательном процессе. При этом следует особо отметить, что главную трудность в данном вопросе составляет неразработанность методологии систематизации функций теоретической экономики, по которой в литературе имеются самые противоречивые суждения.

В методологическом плане систематизация функций теоретической экономики (как и всякой науки) должна, на наш взгляд, опираться на основные виды человеческой деятельности, куда входит и наука как специфическая социально-духовная и интеллектуально-информационная система: познавательная, оценочная, практически-преобразующая. Кроме того, следует также учесть и реальное место и положение, которое занимает теоретическая экономика в системе наук вообще, в системе гуманитарных наук, в системе собственно экономических наук. Эти методологические подходы позволяют выделить следующие три основные функции теоретической экономики: гносеологическую (познавательную), аксиологическую (оценочную) и праксиологическую (прикладную).

Высшим социальным критерием и результатом функционирования теоретической экономики в целом является формирование интеллектуально и духовно развитой личности, свободной индивидуальности как истинного субъекта и богатства все более осознаваемого и предполагаемого социализированно-гуманистического общества.

Т.У. Садыков (д. э. н., проф., Казахстан), подытоживая, показал, что данная дискуссия строится сегодня вокруг трёх основных моментов: предмет и метод, потенциал и перспективы политической экономии.

Наше поколение воспитано так, что говоря о предмете, методе, мы всегда опирались на философский фундамент. И потому мы не должны разделять политическую экономию и философию. Сегодня поднимался целый пласт проблем, которые должна решать политэкономия, причём основываясь на философском фундаменте – очеловечивание, духовные начала экономики, воспроизводство самого человека и т. д. Во времена СССР политэкономии давали широкую дорогу для преподавания. Мы были «подкованы», мы писали монографии, статьи и т. д. Но с тех пор политическая экономия подверглась серьезнейшему испытанию. Вплоть до того, что стали закрывать специальность «политическая экономия». Стали её переименовывать. Но хуже всего то, что в преподавание экономической теории или «теоретической экономики» нам ввели кредитную технологию. У

неё есть свои плюсы, но это не компенсирует её огромного минуса – сегодня мы сталкиваемся с отсутствием логического мышления у студентов, которое даётся общественными науками. Мы видим, что чрезмерный упор на тестирование приводит к плачевным результатам. Видим это на примере государственных служащих, которые одну программу приняли, другую.

Сегодня также говорили про категориальный аппарат. Сама жизнь преподносит нам новые понятия – аутсорсинг, транзакционные издержки, экономическая синергетика, информационная экономика. Они всё ещё не имеют достаточного теоретического обоснования, работу в этом направлении можно продолжать. В этом плане «Капитал» К. Маркса не охватывает новые понятия, присущие постиндустриальному обществу. «Капитал» анализирует развитое индустриальное общество. Сегодня много говорили о понятии ценности. Нам, разумеется, на основе преемственности, нужны новые теоретические обоснования и категориальный аппарат для анализа квазиденег, информации как товара. Классические труд и капитал сегодня превращаются в знания и информацию, и новая политическая экономия должна теоретически осмыслить эти изменения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И ЭКОНОМИКС

С.С. Дзарасов (д. э. н., проф. Института экономики РАН) рассмотрел вопрос о соотношении политической экономии и экономикс и то, почему первая заменена второй. Известно, что это было сделано А. Маршаллом в конце XIX века. Ещё незадолго перед этим свой курс экономических знаний Дж. Милль называл «политической экономией». Однако, со временем за пределами марксистской традиции почти повсеместно произошел переход от политической экономии к экономикс. Сам Маршалл мотивировал произведенное им переименование необходимостью приблизить экономическую теорию к реалиям жизни, под которыми понимались нужды бизнеса, и дать предпринимателям путеводитель для осуществления своих деловых операций.

Было ли этой действительной целью Маршалла или за этим скрывались совсем другие, а именно социально-классовые мотивы, теперь едва ли точно можно сказать. Но стало ясно, что в действительности экономикс служит не столько познанию экономических явлений, сколько оправданию и воспеванию системы частного предпринимательства и свободного рынка. Социальная сущность экономических явлений в нем выброшена за борт и всё внимание переключено на изучение их функциональных зависимостей. Но как бы не были важны последние, их знание без первой не может быть полным.

Маршалл писал учебник для настоящих и будущих бизнесменов, которым классическая теория стоимости и раскрываемые при этом отношения труда и капитала были поперёк горла. Бизнес на это закрывал глаза. Его интересовали конкретные формы предпринимательской деятельности, благодаря которым можно получать максимум прибыли, чему и подчинена маршаллианская теория.

В разработке своего курса Маршалл выступил подлинным новатором, и долгое время его «Принципы» оставались непревзойденной настольной книгой бизнесменов. Этой дорогой последовали все остальные авторы экономикс до наших дней. Шумпетер писал о Маршалле, что он понимал бизнес и бизнесменов лучше, чем большинство других ученых-экономистов, не исключая тех, которые сами были предпринимателями. Он чувствовал внутренние, органические потребности экономической жизни даже лучше, чем формулировал их, и в силу этого, он выступал как "властитель дум", а не как журналисты или теоретики, которые не более, чем теоретики.

Именно этим было положено начало повороту от классической политической экономии к неоклассической теории, а тем самым, от анализа реальности к её изображению в угоду бизнесу в том виде, в каком явления выступают на поверхности экономической жизни. Классическая же традиция была другой. В ней реальность всегда представляла собой *единство двух сторон*: сущности и явления, формы и содержания, объективного и

субъективного, видимого и невидимого.

В результате же произведенной Маршаллом операции удаления социальной сущности явлений форма оказалась оторванной от содержания. Подобный подход логически требовал того, чтобы им был сделан и следующий шаг: отказ от названия науки «политическая экономия» и замены её «экономической теорией», в последствие названной ещё проще – экономикс. Из этого вырос современный мэйнстрим, в котором фокус внимания перенесен от социальной к биологической сущности человека как потребителя благ.

Человек в этой механической системе рассматривается как её атомизированная частица. При этом индивиду приписывается такая рациональность (*substantive rationality*), в силу которой он якобы обладает неограниченными вычислительными способностями в преследовании и достижении своей личной выгоды. Подобно тому, как в механической системе движение частиц подчинено физическим закономерностям, утверждает маршаллианская, а вслед за ней вся остальная ортодоксия, так и поведение индивидов в экономической системе определяется их предпочтениями в выборе товаров и услуг. В этой предопределенности поведения (*well behaved*) индивидуума ортодоксия видит ключ к пониманию происходящих в экономике процессов. Индивид рассматривается исключительно как потребительское существо, у которого нет иных мотивов деятельности. Он только реагирует на то, что предопределено извне: на сигналы рынка в виде цен на товары и услуги и приспосабливается к ним.

Исключение социальной сущности явлений из экономического анализа заключало в себе ещё и другое преимущество для апологетики капитализма. Оно открывало широкие возможности для математического описания экономических явлений и тем самым придания неоклассической ортодоксии видимости точной науки. Несомненно, что математические методы открывали новые, ранее невиданные возможности. Они позволяли углубить экономический анализ и раскрыть то, что невозможно сделать чисто логическим путем. Поэтому, едва ли кто будет оспаривать, что в известных пределах математизация экономической теории разумна и необходима.

Однако при игнорировании социальной сущности явлений математическая элегантность принимает самодовлеющий характер, что приводит к утрате связи с экономической реальностью. Тем более что математический анализ всегда предполагает различные допущения и ограничения, что также действует в этом направлении. Об этой слабости математического анализа и эконометрических моделей на Западе накоплена громадная литература. О порочности уходить от экономической реальности путём необходимых для математического анализа допущений пишут многие научные авторитеты, разбирающиеся как в экономике, так и математике. Например, Нобелевский лауреат В. Леонтьев писал, что профессиональные экономические журналы заполняются математическими формулами, ведущих читателя от группы более-менее вероятных, но совершенно произвольных допущений к точно сформулированным, но ошибочным теоретическим выводам, при этом экономисты-теоретики и эконометрики продолжают выдавать множество математических моделей и исследовать весьма детально их формальные свойства, оставаясь неспособными сколько-нибудь заметно продвинуться к пониманию структуры и принципов функционирования реальной экономической системы. Если множество имеющихся критических замечаний свести к какой-то одной общей формулировке, то она означает следующее: экономическая теория оторвалась от реальности и ушла в виртуальный мир иллюзорных предположений, а потому не в состоянии отвечать на проблемы нашего времени.

Подобный разрыв между теорией и практикой не проходит бесследно. Он вызвал большое недоверие к экономической теории, под которой обычно имеют в виду неоклассическую ортодоксию. Поэтому неслучайно именно она стала основным объектом критики альтернативных школ экономической науки.

Двадцатилетний рыночно-капиталистический эксперимент в странах бывшего СССР явился новой тестовой проверкой постулатов неоклассической ортодоксии. И что же?

Проведенный у нас тест ещё раз показал их несоответствие экономической реальности, и тем самым, по крайней мере, неполную научную состоятельность.

Ведь рыночные реформы в наших странах начинались с помпой всеобщего доверия и воспевания неоклассических постулатов и основанной на них модели рыночной экономики, якобы способной за короткое время поднять экономику до небывалых высот. Достоинства рынка и частной собственности расписывались самым многообещающим образом, а плановой экономике и общественной собственности давались самые уничижительные оценки, как основной причине наших бед и страданий. При больших трудовых и материальных затратах и организационных усилиях, – говорили нам, – плановость позволяет достичь небольшого результата, в то время, как рынок обладает механизмом такой идеальной самонастройки, что при малых затратах позволяет достичь высочайшего эффекта. Стоит шоковым путем (свободным ценообразованием и обвальная приватизацией собственности) ввести свободу рыночного предпринимательства, как мы сразу окажемся в раю и достигнем высот благополучия развитых стран.

В итоге 20-летнего эксперимента применения неоклассических постулатов в соответствии с Вашингтонским консенсусом, получилось прямо противоположное. Мы оказались у разбитого корыта. Экономика стран, принявших Вашингтонский консенсус (понимай: неоклассическую модель экономики) покатила вниз, а стран, не принявших этот консенсус и избравших собственный путь развития она пошла в гору. Например, ВВП России за указанный период после резкого спада в середине 90-х годов прошлого века к настоящему времени едва достиг уровня 1990 года, в то время в Китае он вырос в 5,3, Вьетнаме в 4, в Индии 3,3 раза. Сравнение явно не в пользу тех, кто принял неоклассическую концепцию и модель экономики.

Если говорить о теоретических истоках провала одних стран и успеха других, то напрашивается вывод о несостоятельности неоклассической теории, из которой маршаллианство удалило социальный компонент. Вне социального контекста она стала годной в основном для оправдания капитализма, но негодной для преобразования общества к чему-то лучшему, т. е. созданию такой экономики, которая бы служила не обогащению одних за счёт других, а повышению общей эффективности и благосостояния всего населения. Для таких целей необходима альтернативная экономическая теория, что требует отдельного рассмотрения.

Размышления о соотношении политической экономии и экономикс продолжил **А.В. Сорокин (д. э. н., проф. кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова).**

Он в частности отметил, что фундаментальная наука перестает быть наукой, если она теряет способность объяснения очевидных явлений и закономерностей, отраженных в экономикс. Экономикс не более чем описание очевидного. Метод экономикс – математически-описательный метод. Метод, который применяли Галилей и Ньютон.

Включение экономикс в модель «Капитала» (синтез) – актуальная задача политэкономии. Синтез – проблема, которая в принципе не может быть поставлена экономикс.

У многих коллег–политэкономов заметное пренебрежительное отношение к экономикс и ее методу. Да, экономикс – отражение непосредственно наблюдаемых, поверхностных явлений. Но отбрасывать экономикс нельзя. Маркс в 3-м томе «Капитала» писал: «Анализ действительной, внутренней связи капиталистического процесса производства — дело в высшей степени сложное и требующее очень серьезного труда; если задача науки заключается в том, чтобы видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению, то само собой разумеется, что в головах агентов капиталистического производства и обращения должны получаться такие представления о законах производства, которые совершенно отклоняются от этих законов и суть лишь выражение в сознании движения, каким оно кажется. Представления купца, биржевого

спекулянта, банкира неизбежно оказываются совершенно извращенными». Это относится и к экономикс.

По мнению А.В. Сорокина, экономикс может быть включена в модель «Капитала» в качестве подчиненного момента. Если бы «Капитал» писался сегодня, то, скорее всего, носил бы название «Капитал. Критика политической экономии, микроэкономики и макроэкономики». Понятно, что у политической экономии в широком смысле и экономикс – разные предметы. Предмет экономикс – тот же, что и предмет «Капитала» – совокупность производственных отношений современного, буржуазного общества, экономический базис, «богатство народов», или «богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства».

Богатство народов (ядро производственных отношений) было и остается предметом экономической науки: Смита, Рикардо, Сея, Милля, Маркса, Вальраса, Кейнса. Только один ученый на букву М, т. е. Маршалл, формально не отказываясь от анализа богатства, добавил к предмету «человека» с его поведением. И эта ветвь экономической науки, или маршаллианская версия неоклассики, получила название «мейнстрима». Эта версия с ее полезностями, предельными полезностями, кривыми безразличия выходит за рамки экономической науки и не синтезируется. Синтезу подлежит Вальрасианская версия неоклассики, построенная математически-описательным методом.

Маркс опередил науку на столетие. В то время как политэкономическая мысль ориентировалась на три великих открытия естествознания – открытие клетки, учения о превращении энергии и теории развития, названной по имени Дарвина и сводила развитие исключительно к эволюционному развитию, Маркс применил генетический метод анализа экономической структуры общества. Генетический метод – это *диалектический метод* исследования, но здесь иная диалектика, отличная от эволюционного развития, диалектика «*современного общества*» как живого, развивающегося организма. Выделение генотипа из *материального*, конкретного организма и построение модели организма, *развивающегося* из генотипа, ни что иное, как *материалистическая диалектика* (принципиально отличная от идеалистической диалектики Гегеля).

Метод «Капитала» не был понят его современниками, прежде всего, потому, что он трактовался в координатах трех великих открытий 19 века. Отсюда выход за пределы конкретно-исторического организма, который недопустим в рамках генетического метода, сформулированный Энгельсом как принцип «соответствия логического историческому»; принцип «от простого (которое ищется в эволюции, в «простом товарном производстве», предшествующем капитализму) к сложному»; принцип «от абстрактного к конкретному», в котором абстрактное считается *действительным* исходным пунктом исследования и, либо произвольно формулируется исследователем, по определенным им самим критериям (Вазюлин), либо выводится из «одного-единственного конкретного отношения» (Ильенков), а не из всего многообразного конкретного, конгруэнтного данному конкретно-историческому организму.

Смысл метода: берется конкретно-исторический, современный способ производства, единство многообразного, совокупность конкретных производственных отношений, живой организм. Действительный исходный пункт – конкретное. Методом абстракции осуществляется расчленение предмета. Как и в генетике выделяются два фактора общественного богатства – потребительная стоимость и стоимость, два гена, которые, с одной стороны, присутствуют во всех клетках организма, а с другой являются исходным отношением и содержат в себе, скрыто, весь организм в потенции.

В эту генетическую модель капитализма и включаются разрозненные категории экономикс.

В «Капитале» Марксу удалось ответить на вопрос, поставленный Смитом «О природе...». **Природа богатства – стоимость.** И она была открыта, «окончательно» открыта не Смитом и Рикардо, а Марксом. То, что она трудовая – тавтология, никакой другой

природы богатства, никакой другой стоимости не существует. Стоимость – кристаллизация абстрактного труда под ограничением ОНРВ.

Всевозможные «нетрудовые теории» - нонсенс, теория предельной полезности отнюдь не является теорией природы богатства наций и, строго говоря, вообще не является теорией.

Непосредственно наблюдаема форма богатства – потребительная стоимость, благо.

Размышляя о методе экономикса, А.В. Сорокин отметил, что открытие *природы* общественного богатства Маркса не было понято современниками (и не только современниками, как писал Ленин). Есть основания считать, что в экономической науке произошла революция метода, которая ранее произошла в физике. Если природа явления неизвестна, то ученому ничего не остается делать, как отказаться от всяких попыток понять эту природу и перейти на математически описательный метод.

Галилей советовал ученым – не рассуждайте о природе, сущностях и пр. наблюдайте, давайте количественное описание в виде формул.

Основы описательного метода были заложены Смитом, неоклассика математизировала описательную сторону метода Смита, при этом отказавшись от второй стороны метода Смита (выяснение внутренних взаимосвязей) и от решения проблемы, поисков природы богатства). Так же и Л. Вальрас считал, что экономическая наука должна описывать *естественные факты*, т. е. факты, *не зависящие от воли экономических агентов*. К ним, прежде всего, относилась меновая стоимость. Он считал теорию общественного богатства областью математики и сравнивал ее с физико-математической наукой. Примером применения нового метода является *математическое выведение равновесия обмена, опирающееся на эмпирические кривые спроса без какого-либо упоминания о поведении потребителя и полезности*.

Новаторство Вальраса подверглось критике современников. В письме к Вальрасу, К. Менгер указывал, что «математика очень хороша в определенных описательных целях, но она не позволяет проникнуть в сущность явления». Но главным оппонентом математически описательного метода Вальраса стал А. Маршалл. В «Принципах экономикса» (1890 г.) он выступил против математизации экономической науки. Маршалл не устраивало то, что, как он писал, *«Факты сами по себе молчат... Наиболее опрометчивым и ненадежным из всех теоретиков является тот, кто претендует на то, чтобы дать фактам и цифрам говорить самим за себя»*.

Маршаллианская контрреволюция означала нарушение основного принципа математически описательного метода – описывать, но не лезть в объяснения, а то получится какая-нибудь глупость. Записали уравнение обмена Фишера, но ради бога, не выводите отсюда количественную теорию денег.

Возвращаясь к проблеме синтеза, А.В. Сорокин отметил, что в «Капитал» не вошли категории, которые еще не имели широкого хождения, либо были неясно выражены: валовой доход, сбережения, инвестиции, основные макро- тождества (они получают объяснения на уровне накопления I тома и схем воспроизводства второго). Ключевые категории спрос и величина спроса, предложение и величина предложения синтезируются на уровне I гл. I тома.

Иногда считается, что генетическая модель и синтез экономикса означает апологию капитализма, отказ от материалистического понимания истории, под которым имеется в виду смена способов производства. Ничего подобного. Напротив, генетическая модель позволяет открыть внутренние законы движения рыночного организма и выяснить такие антагонизмы-противоречия, по сравнению с которыми меркнут традиционные недостатки капитализма – несправедливость эксплуатации, отчуждение труда и т. п. Капитал – стоимость, которая в своем движении авансируется, сохраняется и возрастает. В ходе самовозрастания капитал использует нестоимостные факторы - труд, природу и науку, которые он не обязан воспроизводить. «Капитал беспощаден по отношению к жизни и здоровью рабочего ...», он беспощаден к природе и науке (в том смысле, что используя технологии, например, генно-

модифицированные продукты, проявляет полное безразличие к развитию фундаментальных наук).

Антагонизмы (демографический, экологический, научный) не могут быть решены внутри экономического базиса. *Их решение требует вмешательства надстройки (общества, государства). В анализе этих глобальных антагонизмов и возможных форм их разрешения и заключается задача политической экономии, предметом которой является базис во взаимодействии с надстройкой.* Генетический метод Маркса позволяет перенести центр тяжести политической экономии с анализа «ростков социализма» и различных переходных форм на выяснение реальных противоречий-антагонизмов, определяемых внутренними (генетическими) законами развития капиталистического способа производства. Проблема тотального износа основных фондов в России гораздо острее, чем проблемы постиндустриальной экономики.

В заключении А.В. Сорокин отметил, что синтез экономикс – актуальнейшая задача политической экономии, и чем скорее она будет решена, тем лучше. Математически описательная микро- и макроэкономика элементарна и синтезируется, т. е. получает объяснение с позиций природы общественного богатства, за исключением маршаллианского осадка. Решению этой задачи была посвящена работа Сорокин А.В. «Теория общественного богатства. Основания микро- и макроэкономики». М.: Экономика. 2009.

В своих выводах А.В. Сорокин, отметил, что сегодня, по его мнению, необходимо: 1) переосмысление «Капитала» с позиций генетического метода, 2) включение в модель «Капитала» микро- и макроэкономики, 3) радикальная перестройка курсов микро- и макро на основе модели «Капитала», 4) переосмысление политэкономии как науки о надстроечной "оболочке" базиса, законы которого изложены в «Капитале», т. е. фактически разработка новой политической экономии, отражающей реальные проблемы России и имеющей непосредственное применение в государственной политике.

М.Ю. Павлов (к. э. н., доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) считает, что политическую экономию и различные теории менеджмента искусственно развели, хотя политическая экономия намного ближе к менеджменту, чем экономикс. Реальные управленцы, особенно высшие менеджеры охотно применяют многие выводы политической экономии на практике, а экономикс считают кабинетной наукой, которой почти нет места в реальном бизнесе.

Например, долгое время владельцы акций и потенциальные инвесторы пытались понять, от чего же зависит стоимость, капитализация фирмы. Стоимость фирмы пытались связать со стоимостью ее балансовых активов, с ее оборотом, прибылью, пока в 1957 не появилась работа, в которой Ф. Модильяни и М. Миллер, ставшие впоследствии нобелевскими лауреатами, убедительно доказали, что стоимость фирмы зависит только от одного показателя – ее будущих прибылей. Чем больше ожидаемая прибыль, тем выше стоимость акций. И стоимость фирмы не зависит от структуры её капитала.

Получилось, что работу по структуре капитала отнесли к управленческой, а политэкономы эти выводы относительно структуры капитала не заметили. А ведь это были важнейшие выводы, оказавшие огромное влияние на соотношение реального и фиктивного капитала в экономике. Именно эти выводы в значительной степени способствовали повороту рыночной экономики от реального капитала к виртуальному. Раз стоимость фирмы не зависит от структуры капитала, то не надо обременять себя громоздкими и быстро устаревающими основными средствами, - можно переключиться на порядок более маневренные финансовые активы. И именно с конца 1950-х гг. мы наблюдаем постепенное развитие процессов финансиализации и виртуализации экономики.

Необходимо интегрировать политическую экономию и теорию менеджмента – на стыке получится наука, которую уже давно ждут и теоретики, и практики.

О.Ю. Мамедов (д. э. н. проф. Южного федерального университета) предлагает рассмотреть проблему выхода за рамки узкого предмета мейнстрима через призму проблемы идентичности.

Единственной наукой, до последнего времени не обращавшей внимания на проблему идентичности, оставалась отечественная экономическая теория. Однако постоянно поднимаемые ведущими действующими политиками и практиками *вопросы о том, какая экономическая система нам подходит, а какая – нет, какой подражать, а какой не подражать, существует ли вообще универсальная экономическая модель, или таковой не существует (вопросы, вдруг озаботившие все уровни начальственной иерархии), немедленно потащили экономистов к тому, от чего они долгое время благоразумно дистанцировались, а именно – к проблеме идентификации российской экономики.*

Первыми об «экономической идентичности» заговорили, разумеется, психологи, которые, подобно постоянно мигрирующим интеллектуальным кочевникам, давно потеряли свою «родину» (то есть – предмет своей науки) и стали существовать за счёт агрессивной атаки практически всех отраслей социального знания. Долго психологи подбирались и к самой объективной, в силу специфики её предмета, социальной науке – к экономической теории (изучающей движение той социальной материи, в которой, по блистательному определению одного из её пророков, «нет ни грана сознания»!)

Однако это не смутило не только психологов, но и многих экономистов, буквально вцепившихся в так называемую «субъективную» сторону организации общественного производства. В результате психологи привычно свели «экономическую идентичность» к социальным установкам личности, определённого этноса, конкретной социальной страты, то есть к тому, что лежит за пределами экономической науки.

Между тем, *в признании или непризнании момента сознания в качестве «предметного элемента» экономической науки скрывается невидимая граница между научной экономической теорией и всеми разновидностями её «мутации», как бы ни маскировалось это признание – в виде «предпочтений», «рациональности» или «выбора». Экономика как объект научного анализа – это сфера не того, что предпочитает, или выбирает производитель, а того, что он вынужден делать в данных исторически-производственных обстоятельствах.*

Ещё сто пятьдесят лет назад (!) другой пророк экономической науки объяснил – дело не в признании побудительных мотивов поведения производителей, а в том, что не идут далее, не исследуют, что лежит за ними, в их основе, что генерирует эти побудительные мотивы. *Предмет экономической науки как раз и находится в том пространстве, которое расположено «за» пределами побудительных мотивов поведения производителей, само формирует эти побудительные мотивы.*

Юристам, политологам, социологам привычнее отрицать универсальность экономических и социальных систем, что объяснимо – они «питаются» различиями, спецификой, многообразием этих систем.

Однако экономическая наука, стремясь к объективному отражению объективного мира, существенно отличается видением общественного устройства, в том числе и экономического. Это научное видение фактически совпадает с диалектико-материалистическим воззрением, которое – в ситуации его активного неприятия в силу различных обстоятельств, – всё равно сохраняется, но уже в интуитивно-осознаваемой форме, что создаёт дополнительные гносеологические сложности (до которых «неэкономистам» справедливо нет никакого дела).

К несчастью для обществоведов-неэкономистов, прозаический взгляд экономистов на национальную экономику не остаётся «внутренним» делом самих экономистов. Общеобществоведческая «неприятность» проистекает из того, что экономическое устройство – как бы ни усмехались убежавшие от марксизма экономисты, политологи, юристы и социологи – продолжает оставаться «базисом» всех иных (неэкономических) производных социальных форм.

В реальности это означает только одно – характеристика идентичности национальной экономики «задаёт» и все иные характеристики данной социально-национальной системы.

Поэтому экономистам принадлежит решающее слово в определении социальной идентичности данного общества.

Исходная научно-методологическая посылка концепции экономической идентичности – признание единства экономического устройства производства на данной исторической ступени его развития, общности его принципов, императивов, корреляций и тенденций, предопределяющих универсальный вектор движения всех национальных экономик, – короче, всё то, что из многообразия реального мира экономики вмещается в гениальную абстракцию, имя которой – «общественно-экономическая формация».

Р.С. Гайсин (д. э. н., проф., зав. кафедрой политической экономии Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева) продолжил мысль, которая была высказана А.И. Колгановым по поводу воспроизводства политэкономической культуры, обратил внимание на открытую им определенную особенность, а может быть, даже закономерность. Р.С. Гайсин обобщил определенные факты. Первый факт - Дмитрий Валовой лет 6-8 назад собирал время от времени нас, политэкономов, и мы там дискутировали, спорили по поводу мейнстрима, политэкономии. Собирались и сторонники, и противники политэкономии и написали письмо в Министерство образования о том, что надо бы дать преподавателям и студентам право выбора. Политическая экономия должна занять своё достойное место в экономической теории. Но затем это заглохло. Обратим внимание на то, что большинство присутствующих на этом форуме – люди «переходного возраста», как сегодня сказали. А людей моложе этого возраста там почти не было.

Следующее. На нашей кафедре мы пытаемся читать курсы по выбору. Эти курсы называются «Актуальные проблемы политической экономии», «Теория аграрных отношений», «Теория земельной ренты» и ряд других. После того как Университет (РГАУ – МСХА имени К.А. Тимирязева) стал переходить на двухуровневую систему образования, в бакалавриате появились новые дисциплины в соответствии с образовательным стандартом второго поколения: «Институциональная экономика», «Экономика общественного сектора» и «Национальная экономика». Мы пытаемся привлечь внимание к этим курсам и этим дисциплинам. Но это опять люди «переходного возраста». А молодежь в течение последних 20 лет росла на микро- и макроэкономике (мейнстрим). Зачем им нужен метод научной абстракции, с помощью которой надо нащупывать «вдовицу Куикли», когда проще подсчитать ценность с помощью количественных методов функционального анализа.

Я согласен с тем, что мы должны писать учебники, пока «переходный возраст» еще может действовать. Мы должны восстановить и проводить методологические семинары. И делать всё, чтобы методологическая грамотность, политэкономическая культура молодежь так, была значительно шире, чтобы они не замыкались на чисто количественных, функциональных зависимостях.

Второй момент, который отметил Р.С. Гайсин: в аграрном ВУЗе преподавая экономические проблемы, мы должны увязывать это со спецификой ВУЗа. Но рассмотреть аграрные отношения с позиции только микроэкономики довольно сложно. Микроэкономика и микроэкономическая политика гробит наше село. Тот образ жизни, та культура народная, та народная педагогика, социально-экономический охват этих огромных территорий – это всё буквально разваливается. Здесь нужны другие подходы, а для этого нужна другая концептуально-теоретическая основа.

КРИЗИС: РЕАКТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

К.А. Хубиев (д. э. н., проф., зам. зав. кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова) подчеркнул, что актуальность политической экономии и необходимость её восстановления в учебном процессе и научной работе усилилась в связи с развёртыванием мирового экономического кризиса по следующим, по крайней мере, основаниям.

1. Стало общепризнанным гипертрофированное развитие финансового сектора по отношению к реальному сектору. Большой критике подвергаются высокорисковые инструменты финансового рынка. Но в неоклассической теории нет теоретического обоснования различной природы реального и фиктивного капитала. Вообще, категория фиктивного капитала и его инфляционный потенциал теоретически раскрыты именно в политической экономии.

2. Кризис обнажил противоречие между производством и потреблением. Продажа потребительских товаров во время кризиса сократилась не потому, что в них стали меньше нуждаться, а потому, что созданная стоимость на стороне предпринимателей не эквивалентна полученным доходам на стороне работников, создавших реальные блага.

3. Актуализировался воспроизводственный подход к отраслевой структуре экономики. Для России это имеет особое значение, поскольку на разных уровнях широко обсуждается вопрос о сырьевой деформации отраслевой структуры и необходимости её диверсификации. Для решения данной задачи необходимо возродить воспроизводственный метод исследования с использованием межотраслевого баланса.

4. Актуализировалась стоимостная оценка как рабочего времени, так и производственных процессов. Чем квалифицированнее труд, тем актуальнее становится стоимостная оценка затраченного рабочего времени.

Г.Н. Цаголов (д. э. н., проф. Международного университета в Москве) заметил, что имеются основания написать книгу о переменчивой судьбе политэкономии в нашей стране. Она могла бы называться «Экономическая комедия». И в самом деле, когда прослеживаешь метаморфозы этой общественной науки на протяжении последних ста лет, то получается весьма забавная картина. В начале XX века в ней был представлен довольно широкий спектр различных школ и направлений. После Октябрьской революции главное течение проходило уже строго в марксистско-ленинском русле. Она стала идеологическим оружием правящей Коммунистической партии. Антибуржуазная направленность и классовый характер полностью не исключали возможность развития теории, но, конечно, накладывали на труды советских экономистов печать ортодоксальности и догматизма.

Капиталистический переворот в 1990-х годах перечеркнул политическую экономию советского периода, выплеснув, как у нас это водится, с водой и ребенка. Фундаментальная экономическая наука стала изгнанницей. Её тотчас же исключили из числа общетеоретических вузовских дисциплин, преподаваемых в России. Взамен же предложили позаимствованный на Западе и малопригодный для нашей страны неглубокий и игнорирующий социальный аспект экономикс.

Однако усиливающееся в последнее время разочарование результатами деятельности «демократов» и «реформаторов», подкрепляемое охватившим весь мир и Россию кризисом, питает растущий в обществе интерес к глубокой теории и достижениям экономической мысли.

В одном из номеров делового журнала РБК помещен красочный портрет Маркса на обложке. «Маркс возвращается», — гласит заголовок ключевой статьи номера. «Мировой кризис может поколебать принципы рыночной экономики. Цивилизация стоит перед выбором: корректировка капитализма или смена экономической модели. Возможно, следует искать альтернативу системе, которая периодически дает сбой?» — вопрошают авторы материала.

Интерес к марксизму резко усилился во многих странах мира. «Капитал» переиздают массовыми тиражами, не успевая удовлетворить растущий спрос. Россия не является исключением. В прикассовой зоне книжного магазина «Москва», что в самом центре столицы на Тверской, среди хитов расположился здоровый куб нового издания первого тома «Капитала», по цене 900 рублей за книгу. «Очень хорошо расходуется», — говорит продавец-консультант торгового зала. Почему книги Маркса вновь востребованы и бойко раскупаются не только у нас, но и за рубежом?

Ответ прост. Люди пытаются разобраться в основах нестабильного общества, а кризис заостряет на этом внимание. Маркс объяснил природу свойственных капитализму цикличности развития, безработицы, инфляции, вопиющих социальных контрастов, обогатив тем самым науку.

Он не только очертил особую форму эксплуатации при капитализме и создал теорию прибавочной стоимости, но и указал на историческую тенденцию этой формации — неизбежность замены её другим строем. Многие положения, которыми мы оперируем и которые сегодня считаются общепризнанными, являются истинами, впервые открытыми этим гениальным умом человечества. Они настолько утвердились, что ими пользуются, чаще всего забывая о том, кто их добыл.

С ренессансом марксизма возможен и поворот в судьбе политической экономии, оказавшейся в условиях новой России наукой-изгоем. Во всяком случае, сейчас весьма благоприятное время для восстановления ею своих позиций в качестве одной из главных социальных дисциплин как у нас в стране, так и мире. А формирование Международной политико-экономической ассоциации надо приветствовать и всячески содействовать организации её работы.

Иногда приходится слышать критику попыток «поиска в прошлом ответов на вопросы сегодняшние». Это недоразумение. Люди обращаются к Марксу, так как он как никто другой обнажил противоречия капиталистической формации, а их кризисное обострение привлекает к этим аспектам особый интерес. Это не значит, что знание классики достаточно для понимания сегодняшней действительности, что не надо самостоятельно ее анализировать. Но нельзя забывать и об истории науки и её достижениях, ибо без общей теории выяснение любой проблемы зависает.

В общественной науке вряд ли найдется кто-либо другой, кто дотягивается до уровня научного анализа Маркса. Но это не значит, что последователи Маркса освобождены от задач развития его теории. Ведь жизнь безудержно идет вперед. Ни одна общественная наука не может все предвидеть. И ни один ученый не может подвести черту под знание.

Сегодня почти полтора века спустя со времени написания *«Капитала»* мы видим немало того, что никак не укладывается в теоретические разработки Маркса. И странно, если бы было иначе. Остановимся на вопросе о происхождении нынешнего мирового финансово-экономического кризиса.

Нынешний финансово-экономический кризис по своей природе не является циклическим, и Марксу он был неведом. Акции и биржи, правда, уже появились в то время, и фиктивный капитал находился в поле его зрения. Но эти атрибуты тогда не обрели самодовлеющего характера и сами по себе не могли приводить к катаклизмам мирового порядка.

Не циклическая природа нынешнего кризиса вызывает необходимость существенной корректировки в виде противодействующих мер. Наднациональная, или международная, антикризисная организация нового типа должна заработать против опасной спекулятивной олигархии, её производных финансовых атрибутов и схем — главных возбудителей разрушительных цунами. Начало этому положено в планах строительства новой финансовой архитектуры, выработанных в ходе саммитов G-20. Нынешний глобальный кризис, таким образом, отличается от традиционных «рецессий» прежде всего по своим истокам. Если по Марксу причины экономических падений лежат в плоскости производства, вернее перепроизводства товаров и услуг, то теперь кризис развился в финансово-кредитной сфере. В его развязывании главную роль сыграл *не реальный, а фиктивный капитал*. Свыше года он являлся чисто финансовым кризисом. Затем уже было затронуте производство, а он обрёл финансово-производственный, или экономический характер. Всё это говорит об уникальном мировом кризисе нециклического происхождения. Для выяснения его подлинной природы следует внимательно присмотреться к процессам и изменениям, происшедшим в сфере финансов и фиктивного капитала.

Он стал причиной развития ряда негативных процессов в капиталистическом обществе, которые признаны, но не устранены. И пока они остаются, ждать коренных перемен к лучшему не следует.

Чтобы мэйнстрим изменился, потребовался грандиозный экономический удар. Теперь уже не спорят с тем, что король – голый, что в итоге двух десятилетий Россия лишь топчется на том же месте, что рынок – не панацея, а ликвидация отсталости – задача первостепенной важности. Поистине, нет худа без добра.

Но имеются ли перспективы для таких изменений? И какова конфигурация требуемой системы?

Чтобы модернизация в России состоялась и прошла в сжатые сроки, не обязательно призывать к ликвидации капитализма. Но надо поменять сложившуюся у нас модель на ту, которая сама по себе непрестанно генерирует технико-экономический прогресс. Ту, в которой господствует конкурентная среда и минимизированы иные способы обогащения, кроме как через развитие производства, сферы услуг и инфраструктуры. Ту, в которой государственное регулирование помогает, а не мешает ей. Ту, которая работает на большинство, а не на меньшинство населения. Примеры таких государств имеются на Западе и Востоке (Германия, Франция, Швеция, Китай). В их экономиках, несмотря на различия, есть схожесть – умелое сочетание здоровых рыночных и государственных, вернее – капиталистических и социалистических начал.

Конвергентное общество – отнюдь не утопия, а реальность, отчасти уже представленная наиболее быстрорастущими и стабильными странами Востока и Запада. Где-то, например, в Китае, к нему шли от социализма. В Европе, в частности, в Швеции – от капитализма. Возможно, в отдельных случаях к нему придут спонтанно или эмпирически, путем естественного отбора и «изменения общественных видов». Но в условиях засилья олигархического капитализма в современной России оно может состояться и утвердиться лишь при проведении нынешними и будущими политическими лидерами нашего государства сознательного курса на создание подобной модели. А это требует вооружения соответствующей теорией, которая вполне пригодна и в качестве фундамента столь требуемой для нашего общества новой идеологии.

В докладе **Д.М. Котца (профессор факультета экономики Массачусетского университета (США))** было обращено внимание на проблемы политэкономических исследований кризисов. Профессор отметил, что теория экономического кризиса долгое время занимала важное место в марксистской теории. Одной из причин этого является вера в то, что тяжелый экономический кризис может сыграть ключевую роль в преодолении капитализма и переходе к социализму. Некоторые ранние марксистские авторы пытались развить теорию экономического кризиса, в которой определен абсолютный барьер для продолжения существования капитализма. Однако нет никакой необходимости следовать этому механистическому подходу при рассмотрении экономического кризиса как центрального пункта проблемы исторических границ капитализма. Кажется в высшей степени вероятным, что тяжелый и длительный кризис накопления может создать условия, потенциально благоприятные для перехода к новому обществу, хотя такой кризис и не является гарантией этого результата.

Марксистская теория видит причины кризиса во внутренних механизмах капиталистического строя, которые отражают противоречивый характер капиталистического процесса. Богатая литература по марксистской теории кризиса предлагает анализ ряда внутренних механизмов, которые могут вызвать кризис. Такие механизмы традиционно назывались «кризисными тенденциями», которые включают недопотребление, тенденцию снижения нормы прибыли, сокращение прибылей (вследствие сокращения резервной армии труда) и сверхинвестирование (или перенакопление), а также другие механизмы.

Традиционные кризисные тенденции, о которых говорится в марксистской литературе, являются необходимой отправной точкой для рассмотрения возможной причины

(возможных причин) тяжелого структурного кризиса. Однако уровень абстракции обычного анализа традиционных кризисных тенденций является слишком высоким для этой цели.

Неолиберализм, который возник примерно в 1980-х гг., привел к возникновению либеральных институциональных структур в США, Великобритании и многих других (но не всех) странах, и, таким образом, на глобальном уровне, где главные экономические институты приняли неолиберальную модель. Экономический кризис, который начался в 2007-08 гг., возник первоначально в США и возник из неолиберальных институтов в США и глобальной экономики.

Либеральная институциональная структура обладает следующими главными чертами:

1) существует только ограниченное государственное регулирование экономики, бизнеса и финансов; 2) капитал, включая крупный капитал, стремится полностью доминировать над трудом на рабочем месте; 3) крупные корпорации начинают неограниченную, агрессивную конкуренцию; и 4) идеология свободного рынка или классическая либеральная идеология является доминирующей. Она рассматривает государство как врага свободы и эффективности и воспекает достоинства неограниченной конкуренции.

Неолиберализм в США породил три процесса, которые привели к нынешнему кризису:

1) растущее неравенство между заработными платами и прибылями и между предприятиями; 2) ряд крупных финансовых пузырей; и 3) рост финансового сектора, который стал сильно вовлечен в спекулятивную и связанную с рисками деятельность.

Эти три процесса не являются присущими капитализму вообще, а являются чертами либеральной институциональной структуры капитализма. Слабая позиция труда в переговорах с капиталом при либеральной форме капитализма имеет тенденцию вызывать стагнацию или падение зарплат, в то время как прибыли быстро растут. Ограниченное вмешательство государства в сферу рынка позволяет сильному приобретать и удерживать растущую долю общественной продукции.

Либеральная институциональная структура вызывает крупные финансовые пузыри по двум причинам. Во-первых, растущее неравенство порождает прибыли, а доходы богатых домовладений превышают имеющиеся возможности выгодного инвестирования в производственные мощности. Поэтому некоторая часть этого дохода идет на покупку таких активов, как корпоративные пакеты акций или недвижимость, которые приводят к появлению пузырей. Во-вторых, нерегулируемые финансовые институты в либеральной институциональной структуре свободны делать спекулятивные займы, без которых пузыри не могут продолжать расти.

Третий процесс, который возник в неолиберальную эру – финансовый сектор, который занимается спекулятивной, связанной с риском деятельностью – произошел, главным образом, из-за отсутствия регулирования финансовой сферы. Если финансовые институты свободны стремиться к получению максимальных прибылей без надзора или регулирования, то они будут предпринимать такие рискованные виды деятельности, которые сулят им гораздо более высокую ставку прибылей, чем традиционные финансовые функции. По крайней мере, это длится, пока крупные пузыри активов растут и до того, как рискованные инвестиции приводят к негативным последствиям.

И теоретические соображения, и исторические свидетельства подтверждают тот взгляд, что либеральная форма капитализма, фактически, приводит к тяжелому структурному кризису накопления, тогда как регулируемая форма капитализма оканчивается более мягким кризисом. Это имеет несколько последствий.

В-первых, относительно теории марксизма. Анализ, приведенный выше, наводит на мысль, что необходимо идти дальше анализа капитализма вообще или простого применения такого анализа с добавлением *ad hoc* конкретных исторических процессов и государственной политики. Марксисты должны стремиться к системному анализу конкретных институциональных форм капитализма, которые возникают в истории для того, чтобы определить их свойства и тенденции. Кажется, существует нежелание поступать так, возможно, происходящее из-за того, что соображения, что концентрация на конкретной

институциональной форме капитализма отвлечет внимание от язв капитализма как такового и необходимости полностью заменить его. Такое соображение неверно. Для того чтобы правильно понять и успешно бросить вызов капитализму, мы должны проанализировать его конкретные институциональные черты с условиями времени и места.

Во-вторых, вышеприведенный анализ представляет для марксистов парадокс. Длительный период регулируемого капитализма имеет тенденцию усиления рабочего класса. Прокатившаяся по миру волна радикальных выступлений конца шестидесятых годов прошлого века произошла после двадцати лет регулируемого капитализма. Однако, регулируемый капитализм также имеет тенденцию повышать уровень жизни и расширять предоставление общественных услуг рабочему классу, которые делают переход к социализму менее вероятным. К этим соображениям вышеприведенный анализ добавляет тот аргумент, что фактический кризис накопления регулируемого капитализма имеет тенденцию быть относительно мягким, что в дальнейшем сокращает вероятность перехода к социализму.

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО: МЕСТО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

В.А. Волконский (д. э. н., проф., главный научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) сделал акцент на необходимости исследования связи экономики и духовно-идеологической сферы. В частности он заметил, что экономика, и даже политэкономия не может существовать отдельно от остальных наук и представлений общества. Более того, не только от наук различных, но и от того, что совсем плохо исследовано.

В первую очередь - проблемы России. На мой взгляд, главная проблема – это духовно-идеологическая. Нет такой идеологии, нет такой духовности, которая объединила бы общество. А без этого не будет никакой модернизации. С помощью повышения зарплаты сделать такие взлеты, которые были и в наши 1920-1930-е гг., и в Японии. Вот С.С. Дзарасов говорил про Японию, что там планирование было эффективное. Почему? Да потому что там ценность общества, т. е. патриотизм, оказалась важнее ценности индивида. Это обязательно надо учитывать, если мы хотим как-то разобраться, в частности, с Россией. Хотя, конечно, Россия сейчас мало что решает, но я уверен, что надо – для нас единственный выход – работать на будущее. А будущее таково, что однополярный мир обязательно кончится. Это видно по массе признаков. Для нас важно, что он кончится, и будет многополярный мир. Как только Китай по своему влиянию станет сопоставим с Западом, такие центры как Россия, Индия смогут начать своё движение в творческой, социальной, политической сферах. И будет поиск новых форм жизни, и, главное, новых смыслов жизни.

Как здесь политэкономия может освоить новую реальность? Конечно, задача сейчас состоит в том, чтобы дать некоторый образ будущего. Без этого мы наших проблем никак не решим. Образ, на который могло бы нацепиться новое объединение элиты и новое объединение народа, которое бы дало некий подъем духовный.

Ф.Н. Клоцвог (д. э. н., проф., зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН) начал с констатации: политэкономия, как мы знаем, изучает производственные отношения. Естественно, она изучает их в связи с производительными силами.

Когда мы говорим о производительных силах, то, как правило, у нас преобладает «технарский» подход. Мы говорим о технологических укладах, механизации, автоматизации и пр. Мы не обращаем внимания на организационно-экономическую сторону развития производительных сил. В современном индустриальном обществе происходит очень активный процесс формирования единого народнохозяйственного комплекса. Во всех развитых странах. Это очень важная черта развития производительных сил. Это, в частности, проявляется в том, что в составе производительных сил быстро растут общенациональные

технические системы: энергетическая, транспортная, информационно-коммуникационная и т. д. Причём во многих случаях они перерастают в транснациональные системы. Это означает, что отдельные крупные промышленные предприятия как бы нанизываются на общенациональные технические системы. Возникает качественно новая степень их взаимозависимости и взаимообусловленности. Почему это важно учитывать? Потому что современная частная собственность тормозит этот процесс. Она противоречит развитию объективного процесса формирования народнохозяйственных комплексов.

В.Н. Тарасевич (д. э. н., проф., зав. кафедрой политической экономии Национальной металлургической академии Украины) был искренне рад встретить на конференции единомышленников и соратников – марксистов, которые не стоят на месте, а двигаются вперед, творчески развивая политическую экономию.

Далее он подчеркнул, что в современной Украине господствует *олигархический капитализм* как прямое детище глобального капитала. И мы смотрим на Россию, которая делает крен в направлении государственного капитализма. Оценивая госкапитализм в России, Китае, Беларуси, Казахстане, мы убеждаемся, что в современных условиях становления новых независимых государств этот вариант значительно предпочтительнее олигархического капитализма. В связи с этим В. Н. Тарасевич сформулировал три ключевые положения.

1. Политическая экономия родилась из *ненаучного экономического знания*, и, в отличие от исторически бесперспективного позитивистско–рафинированного «экономикс», сохраняет ядро науки в ненауке, подпитывается ее соками, сохраняет тот необходимый *универсумный* контекст, без которого целостный человек превращается в примитивного homo oeconomicus.

Сам факт такого рождения, будучи историческим и объективным, определил статус и последующую судьбу *политической экономии* как *родоначальницы, источника, генетического кода*, одним словом, кровной матери выпестованных ею впоследствии различных *фундаментальных экономических наук (ФЭН)*. В современных условиях она является их *незаменимым ЯДРОМ*, ибо детерминирует парадигмальную конструкцию, предметное пространство, методологию фундаментальных экономических наук, ключевые направления их эволюции и взаимодействия с иными науками и ненаучными практиками. В известном смысле она суть *философия экономической науки*.

Именно поэтому на политическую экономию направлено острие атак противников ФЭН. Расчет достаточно прост – лишив живое существо мозга и сердца, не следует утруждать себя ожиданиями его «естественной» смерти. Впрочем, действия указанных противников имеют и более фундаментальные основания. Важнейшее *онтологическое* основание – продолжающаяся экспансия глобального капитала, который не выбирает средств для достижения своих целей. Подчинив «командные высоты» производства, распределения, обмена и потребления, он столкнулся с твердыней интеллекта и научного творчества, с противником, который один знает его секреты, методы противодействия его экспансии и который способен приблизить его естественную смерть.

В борьбе со столь опасным противником глобальный капитал не скупится на поддержку его (противника) многочисленных *гносеологических альтернатив*. Одна из них представлена *постмодернизмом* и его *after – версиями*. В их интерпретации единство фундаментальной экономической науки исчезает, остается лишь изменчивое поле различных дискурсов, научное знание предстает не более чем интерпретацией объекта с одной из возможных точек зрения, а потому не дает возможности судить об объективных сущностях. Образ изучаемого объекта не отражается, а конструируется. С этим вполне коррелирует отрицание нормативной методологии и признание принципа методологического плюрализма. Разумеется, перечисленные аспекты в той или иной мере отражают объективные процессы дифференциации и фрагментации науки, которые пока доминируют над интеграционными процессами. Но, будучи не бескорыстно абсолютизированными, они представляют серьезную опасность для ФЭН.

Поскольку глобальный капитал заинтересован не в раскрытии собственной сущности, а совершенствовании механизмов экспансии и обогащения, предпочтение отдается не фундаментальным, а прикладным исследованиям и разработкам, той составляющей *праксеологии*, которая призвана обеспечить максимальный и быстрый результат. Отнюдь не случайно и активное продвижение т. н. *новой политической экономии*, изучающей сугубо прикладные аспекты экономической политики. Ради примитивной наживы не только *аксиологически* торпедируются базовые человеческие нормы и ценности, но возвращается спрут рационализированных постинстинктов, виртуализмов, симулякров и т. п. «творений», убивающих саму человеческую потребность в научном знании и познании, *общественно* значимом и *государственном* мышлении.

Поэтому попытки лишения политической экономии *имени собственного* отнюдь не безобидны. Это – «пробный шар», своеобразная проверка способности научного экономического сообщества противостоять забвению ядра ФЭН. Объективная предопределенность существования политической экономии вовсе не означает ее автоматической реализации. Мы живем в человеческом обществе, где объективная необходимость пробивает себе дорогу только через и посредством сознательной и целенаправленной деятельности людей. Следовательно, нужны согласованные и активные действия членов научного экономического сообщества, всех экономистов-теоретиков по защите и *развитию* ФЭН. Сейчас уже императивно в хорошем смысле настойчивое лоббирование интересов нашей науки на уровне государства, его органов и ведомств, в гражданском обществе, в реальной экономике и политике.

В связи с этим, на мой взгляд, назрела необходимость создания негосударственной и неприбыльной *Международной ассоциации политико-экономических исследований*, которая призвана стать институциональным и организационным центром борьбы за прошлое, настоящее и будущее нашей науки.

2. О глобальном кризисе сегодня очень интересно сказал К.А. Хубиев. А в «Глобальном капитале» А.В. Бузгалина и А.И. Колганова дана его фундаментальная характеристика. Последней отнюдь не противоречат и некоторые выводы, полученные с помощью *цивилизационного подхода*. Современный экономический кризис – это, прежде всего, кризис глобализовавшейся экономики западной - католическо-протестантской цивилизации, а также *свидетельство обострения кризисных процессов в самой западной цивилизации*. В диалоге с иными цивилизациями доминирующими для нее стали идеологема избранности, исключительности и превосходства, экономический и военно-политический диктат, курс на активную вестернизацию – попытка преобразования иных цивилизаций по своему образу и подобию и в своих интересах. Несоответствие между ее потребительскими запросами и ресурсными возможностями выживания населения незападного мира, между ареалом ее экспансионистских устремлений и ареалом органичного существования иных цивилизаций на рубеже тысячелетий приобрело новые *антагонистические* формы: терроризм, экстремизм, обострение таких глобальных проблем, как нищета и голод.

Глобальная экспансия западного корпоративно-олигархического капитала, стремление к наживе, невзирая на моральные и правовые нормы принимающих стран, обернулись фундаментальными нарушениями баланса капитализации и социализации на самом Западе. Некогда брошенный бумеранг вернулся. Претензии глобального капитала на тотальное подчинение экономики знаний и эксплуатацию творческого труда оказались чрезмерными, а уровень маркетизации общества – угрожающим. На этом фоне не случайно стали едва ли не доминирующими такие формы асоциализации, как примитивный потребительский вещизм, рафинированный утилитаризм, псевдоэлитаризм, масскультура, бездуховность, андерграунд и т. п. И хотя указанные процессы в меньшей мере присущи европейскому ареалу западной цивилизации, чем североамериканскому, очевиден их экономический и цивилизационный деструктивизм, глобальная токсичность. Неудивительно, что западный образ жизни становится все менее притягательным для большинства населения незападного мира, а его претензии на универсальность – все менее легитимными. Все более очевидными становятся

признаки истощения Западом собственных цивилизационных ресурсов, прежде всего, духовных и социальных, *мирового экономического лидерства*. Подобное лидерство цивилизации с отнюдь не выздоравливающим духом – явление неустойчивое и временное. Дальнейшие военно-политические меры для его удержания могут лишь усугубить межцивилизационные конфликты. Претензии же на мировое *политическое и культурное* лидерство выглядят чуть ли не эфемерными.

Таким образом, современный экономический кризис является неотъемлемой составляющей кризиса сложившегося глобального мироустройства, западной цивилизации и межцивилизационных взаимодействий. Он свидетельствует о *тушковом характере абсолютизации и универсализации институтов какой-либо одной цивилизации*, пусть и наиболее экономически могущественной, *придания им статуса глобальных*. На весах новейшей истории пока еще *полновесно* не представлены духовный и социальный потенциал различных цивилизаций. Современные институты глобального управления и экономического регулирования должны быть не только экономико-политическими, но и экологическими, социальными, духовными, не прозападными, но *межцивилизационными*.

Доказавшая свою неэффективность *прозападная иерархическая и экономико-центристская модель глобального управления и регулирования* должна уступить место принципиально иной модели. В этих условиях Запад оказался перед императивом приведения своих рыночно-потребительских устремлений в соответствие с собственными цивилизационными ресурсами, существенного ограничения масштабов экспансии. Как это ни покажется парадоксальным, но именно Запад должен не препятствовать, а содействовать назревшим переменам. Если он не станет их активным *актором*, то рискует стать их *объектом*. Уроки Римской империи нельзя оставлять не выученными. Результативный поиск и формирование принципиально новой модели вряд ли возможны в рамках G 8 или G 20. Необходимы иные форматы, сопоставимые с форматом ООН.

Сейчас трудно прогнозировать результаты дискуссий и практических действий. Можно лишь пожелать, чтобы *новую модель* отличали *синархическо-сетевой и антикапиталистический характер*, наличие механизмов паритетного и согласованного регулирования глобальных универсальных (экологических, экономических, социальных, духовных и политических) процессов, гармонизации глобальных, цивилизационных, региональных и национальных аспектов устойчивого развития, обеспечения экологической императивности и генерационной эффективности глобальной экономики.

3. Творческий марксизм – мощное орудие познания, обращенное в будущее. В этом смысле мы не можем оставаться в исследовательской сфере, очерченной классической теорией трудовой стоимости. Опираясь на ее инструментариум, мы остаемся в сфере материального производства, *опредмечивания*, по Г.С. Батищеву. Но уже сегодня она «уходит в основание», уступая приоритеты сфере *очеловечивания*, производства самого человека. Разумеется, трудовая теория стоимости в ее классическом варианте вряд ли адекватна объективным процессам очеловечивания. Это означает, что необходимы поиски 1) *деятельностной теории стоимости*, адекватной очеловечиванию и «царству свободы», о котором, творчески развивая марксизм, пишут А.В. Бузгалин и А.И. Колганов; 2) новых направлений развития классической теории трудовой стоимости с учетом кардинальных перемен в сфере опредмечивания; 3) базовых оснований *общей теории ценности*.

Л.К. Науменко (д. ф. н., проф.) заметил, что он не экономист, но счастлив видеть здесь людей, влюбленных в свою науку. Далее Л.К. Науменко продолжил, подчеркнув, что он с большим удовольствием выслушал то, что здесь было сказано, и даже немного врос в предмет, интересы, проблемы политической экономии. И стало заметно, что здесь поднимались методологические проблемы экономической науки. Как понял Л.К. Науменко, политическая экономия – это просто теория. Чего? Если вы скажете – экономических отношений, он скажет – тавтология. Всякая наука, всякая теория освещает определенный срез эмпирического, реального материала, и движется в рамках, границах этого среза. Спрашивается: теоретическая политическая экономия какого рода срез осуществляет? Где

лежит источник этого среза? В методологии (нехорошее слово, это инструментальное применение мысли) или в реальности? Т. е. является ли предмет политической экономии теоретической, интеллигибельной абстракцией или это практическая, истинная абстракция? Это первое.

Теперь второе. Фундаментальное явление в истории марксистской мысли – и экономической, и философской – это «Экономико-философские рукописи» 1844 г., которые представляют собой критику политической экономии как таковой и критику философии как таковой с позиций политической экономии.

Л.К. Науменко в этой связи поднял следующий вопрос: политическая экономия, скажем, феодального общества, возможна? Да. Рабовладельческого общества возможна? Да. Коммунистического общества? Нет? Почему?

В связи с выделением теории богатства, Л.К. Науменко подчеркнул, что подлинным богатством является богатство человеческих способностей и общественных отношений людей. Предмет ли это политической экономии? Дело том, подытожил Л.К. Науменко, что природа и история не делятся на кафедры, отдельные сектора и т. д. И последнее: в фундаменте марксовой политической экономии лежит анализ превращенных форм общественных отношений. И это является источником образования финансовых пузырей, т. е. фиктивной реальности. А реальность фактическая – физическая экономика оказалась подчиненной реальности фиктивной. Отсюда, кстати, и постмодернизм.

А.В. Сурмава (к. п. н., доц. Центра практической психологии Института психологии им Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета) несколько удивил участников тем, что на его взгляд в психологии есть немало общих проблем. У Вас с одной стороны, политэкономия как наука в марксовом смысле слова, в теоретическом смысле слова и, с другой стороны, экономикс как совокупность неких эмпирических знаний сомнительного качества, за которые очень опасно подписываться, потому что кто-то может подать в суд за то, что они не совпадут. Ровно то же самое и в психологии. Но психологии повезло – у нас была ведущая мировая психологическая школа. Сейчас её нет. Сейчас у нас сплошной экономикс, т.е. cognitive science. Или консультирование, психотерапия, которой никто не владеет даже в западном смысле слова. Хорошо бы собрать психологов, интересующихся марксизмом, марксистской психологией. Мир к этому тянется. Может быть, плохо, примитивно, но собираются международные конгрессы. А у нас этого нет. У нас семинар «Теоретическая психология» собирает меньше десятка человек, сколь либо серьезно в это дело включенных.

В нашей стране огромное богатство в виде той теоретической культуры, представителями которой мы являемся. Тот самый Маркс, тот самый «Капитал». Сейчас обстоятельства изменились так, что создалась иллюзия того, что с помощью старого учебника советской политэкономии можно разоблачать олигархов. Видимо, нет. Также как в психологии шаг вперед означает не просто возврат назад, к тому, что сделали Выгодский, Леонтьев. Да не вернёмся – вперёд надо идти. Ровно то же самое, как мне кажется, и к экономистам относится. Надо идти вперёд. Нужна современная критика и теоретической политэкономии, в т. ч. политэкономии социализма. А эта критика не завершена. Осталась масса неразрешённых противоречий. И в итоге у нас оказывается слабая позиция. С одной стороны, у нас был социализм, с другой стороны, он был мутантным, с третьей стороны, он был какой-то не такой, с четвёртой – на Западе его считали за социализм. Здесь требуется политэкономический анализ. Я прочитал в журнале «Альтернативы» статью А.И. Колганова, где он пишет о формальном, реальном подчинении труда капиталу и освобождении труда из-под власти капитала. По моему мнению, это тот анализ, который нам нужен, то направление, которое надо развивать. Надо развивать марксистскую политэкономия с помощью философии, потому что только на базе серьезной философии, на базе гегелевской логики, диалектике абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса в работах Э.В. Ильенкова, монизма как принципа диалектической логики Л.К. Науменко мы только и можем двигаться вглубь той самой политэкономии.

* * *

Подводя итоги, А.В. Бузгалин отметил, что для успешного продвижения в деле осмысления и решения поставленных участниками конференции проблем было бы целесообразно создать российскую политико-экономическую ассоциацию в тесном взаимодействии с МГУ имени М.В. Ломоносова, Российской академией наук, Вольным экономическим обществом и рядом журналов, которые поддержали эту инициативу.

*М.Ю. Павлов, кандидат экономических наук,
доцент кафедры политической экономики,
зам. руководителя Центра экономики знаний
экономического факультета Московского
государственного университета имени М.В. Ломоносова
pavlov@econ.msu.ru*